

Широкую поддержку оказывают специалисты труженикам деревни в развитии рационализаторства и изобретательства, в работе научно-технических обществ, получающих все большее распространение. За пять лет (1976—1980) в Белоруссии создано 723 первичных организации НТО, принято в действительные члены 21 тыс. человек и в юридические 378 организаций¹². Непосредственное руководство ими осуществляют высококвалифицированные специалисты.

Таким образом, трудно переоценить растущее воздействие производственной интеллигенции деревни на процесс интенсификации сельского хозяйства. С каждым годом она вносит все более весомый вклад в решение аграрных проблем; воплощая в жизнь свои знания и научные поиски, оказывает решающее воздействие на организационно-хозяйственную структуру различных подразделений, повышает уровень культурно-технического образования тружеников села, способствует развитию изобретательства и рационализаторства в сельскохозяйственном производстве.

¹ Материалы XXVI съезда КПСС.— М., 1981, с. 46.

² См.: Правда, 1982, 29 мая.

³ См.: Сельское хозяйство Белоруссии, 1981, № 2, с. 6.

⁴ См.: Баутин В. М., Слепцов Н. С. Формирование высококвалифицированных кадров сельскохозяйственного производства.— М., 1979, с. 8.

⁵ Материалы XXIX съезда Коммунистической партии Белоруссии.— Минск, 1981, с. 21.

⁶ См.: Народное хозяйство Белорусской ССР: Статистический ежегодник 1979 г.— Минск, 1979, с. 103. (Подсчитано автором.)

⁷ Там же, с. 103—105. (Подсчитано автором.)

⁸ См.: Кадры сельского хозяйства, 1980, № 2, с. 25—26.

⁹ См.: Сельская газета, 1981, 25 марта.

¹⁰ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 335.

¹¹ См.: Инженерный труд в социалистическом обществе.— М., 1977, с. 22.

¹² См.: Текущий архив БРК профсоюза работников сельского хозяйства, 1981, д. 03-11, л. 8.

К. Н. КУНЦЕВИЧ, М. Д. ТИВО

«ДЕЛЕНИНИЗАЦИЯ МАРКСИЗМА» В АНТИКОММУНИСТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ИМПЕРИАЛИЗМА

Величайшее значение ленинизма в современной идеологической борьбе признается не только сторонниками. Косвенным образом идейную силу ленинизма подтверждают и его противники. Об этом говорят их постоянные усилия, направленные на дискредитацию ленинского учения. При этом приемы антикоммунистической фальсификации претерпели существенную модернизацию. Выявилась тенденция, проявляющаяся в дополнении грубого «примитивного» буржуазного антиленинизма более гибкими, с претензией на научность, формами фальсификации. Например, если в 50-е годы в Западной Германии антиленинизм в основном выражался неомистической публицистикой, известной своим открытым антикоммунизмом, то ныне фальсификацией ленинского учения занимается ряд специальных институтов, университетских кафедр и других «советологических» центров, претендующих на «объективный анализ» марксизма-ленинизма. На первый план выдвинулась «имманентная» критика ленинского учения, получившая свое завершение в попытках обосновать концепцию «деленинизации марксизма». Ей не пришлось складываться на пустом месте. Ее теоретическими источниками стали идеи оппортунистов II Интернационала. Буржуазная «марксология» пытается «развить» эти идеи дальше в сторону еще более оголтелого антиленинизма, фальсификации теории и практики реального социализма, утвердившегося в Советском Союзе и странах социализма. В особенности это касается появившихся во второй половине 70-х годов и не прекращающихся до настоящего времени стремлений связать критику целостности и преемственности марксистско-ленинского учения с буржуазным, а по существу антикоммунистическим пониманием так называемого «еврокоммунизма».

Предельно ясно цель этой антикоммунистической кампании выразил западногерманский социал-демократ Г. Абош, заявивший, что «...проблема еврокоммунизма» неразрешима до тех пор, пока не преодолена ленинская идеология¹. Ревизионист Л. Колаковский, считающий себя «одним из

лучших знатоков марксизма-ленинизма», выразился не менее конкретно. «Развитие коммунистических партий, — пишет он, — возможно лишь в том случае, если они полностью отделаются от ленинизма»².

В поисках антиленинских теоретических источников еврокоммунизма некоторые буржуазные идеологи доходят до того, что «находят» их у К. Маркса и Ф. Энгельса³. В связи с этим на Западе разворачивается своеобразная кампания по «аутентичному» толкованию марксизма, которая даже при ближайшем рассмотрении не только оказывается тенденциозным искажением взглядов основоположников научного коммунизма, но и служит своеобразным «плацдармом» для их дальнейшего «опровержения».

В марксистской литературе уже выделялись направления буржуазно-ревизионистской идеологии, специализирующейся на противопоставлении ленинизма марксизму. В частности, исследователь из ГДР О. Фингер выделил их четыре: концепцию так называемого «волюнтаристского поворота» в марксизме, «русификации» марксизма, «опредмечивания» первоначального марксистского гуманизма и концепцию «практика» Ленина по отношению к «теоретике» Марксу.

На наш взгляд, необходимо выделить направления и в более широком смысле слова. Другими словами, помимо «вертикального» среза концепции «деленинизации марксизма» выделить «горизонтальный». Основанием для этого служит разногласие среди антикоммунистов и их некоторых оппортунистических союзников в рабочем движении в определении соотношения ленинизма и марксизма. Рассматривая с этой позиции все многообразие идей буржуазно-ревизионистских идеологов, мы сгруппировали их в два основных направления: а) концепцию «полной ревизии» марксизма Лениным; б) концепцию «относительной ревизии» или «двойственности марксизма»⁴.

Поскольку второе направление стало наиболее распространенным среди противников марксизма-ленинизма, рассмотрим его более подробно. Современные буржуазные и ревизионистские сторонники «двойственности марксизма» лишь «реанимируют» идеи Э. Бернштейна, позднего К. Каутского и других оппортунистов II Интернационала, утверждая, что вскоре после Парижской Коммуны К. Маркс и Ф. Энгельс отошли от бланкизма и стали реформистами. В. И. Ленину при этом приписывается игнорирование работ основоположников научного коммунизма, написанных в 80—90-е годы. Для «доказательства» «реформизма» К. Маркса и Ф. Энгельса буржуазно-ревизионистские идеологи весьма часто ссылаются на известное письмо К. Маркса к Ф. Домела-Ньюенгейсу от 22 февраля 1881 года, в котором речь идет об упущенной возможности заключения компромисса Парижской Коммуны с Версалем⁵. Однако К. Маркс говорит в этом письме о компромиссе лишь в смысле сдерживания контрреволюции и сохранения революционных завоеваний. Еще в работе «Гражданская война во Франции» он писал, что ЦК допустил большую ошибку, что сразу не организовал наступление на Версаль, не имевший тогда средств для обороны, и тем самым не покончил с заговорами Тьера и его «помещичьей палаты». Поскольку такой момент был упущен и над революцией нависла угроза подавления извне, Маркс считает, что руководство Коммуны могло бы добиться выгодного для народных масс компромисса с Версалем, поскольку захват революционерами Французского банка действовал бы на буржуазию отрезвляюще. Эту же мысль выразил и Ф. Энгельс во введении к «Гражданской войне во Франции», написанном спустя 10 лет, т. е. в 1891 году. «Труднее всего, разумеется, — писал он, — понять то благоговение, с каким Коммуна почтительно остановилась перед дверьми Французского банка. Это было также крупной политической ошибкой. Банк в руках Коммуны — ведь это имело бы большее значение, чем десять тысяч заложников. Это заставило бы всю французскую буржуазию оказать давление на версальское правительство в пользу заключения мира с Коммуной»⁶. Учитывая также, что здесь Энгельс говорит о необходимости слома государственной машины, можно сделать вывод, что основоположники научного коммунизма не связывают компромисс с Версалем с каким-либо «реформистским путем к социализму».

Другим, еще более ходовым «аргументом» для обоснования концепции «двойственности марксизма» служат для антикоммунистов ссылки на работу Ф. Энгельса «К критике проекта социал-демократической программы 1891 года», в которой он писал, что демократическая республика является «специфической формой для диктатуры пролетариата, как показала уже

великая французская революция»⁷. Комментируя это высказывание, многие буржуазные идеологи заявляют, что поздний Энгельс исключительно «в парламентской республике увидел благоприятную почву для борьбы рабочих за политическое равенство и за осуществление социализма»⁸. В данном случае мы видим стремление противников научного коммунизма в духе К. Каутского сместить форму или тип государства с формой правления, что, по характеристике В. И. Ленина, «есть не только глупая, но и аляповатая фальсификация Маркса»⁹.

Под демократической республикой основоположники научного коммунизма подразумевали не парламентскую республику буржуазного типа, а то новое состояние, которое устанавливается пролетариатом в результате ломки буржуазного государства. «...Республика, — писал Ф. Энгельс, — как всякая другая форма правления, определяется своим содержанием; пока она является формой господства буржуазии, она также враждебна нам, как любая монархия...»¹⁰ Таким образом, обвинения Ленина в том, что на место Парижской Коммуны, отождествляемой с демократической республикой как формой правления, он поставил, вопреки Марксу, Советы, лишено всякой объективности, поскольку и Коммуна и Советы, являясь демократическими республиками по форме, выражают единую сущность — диктатуру пролетариата.

Наконец, одной из наиболее часто фальсифицируемых работ основоположников научного коммунизма является «Введение» к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции», написанное Энгельсом в 1895 году. Создана своеобразная легенда о том, что эта работа является «политическим завещанием» 75-летнего Энгельса, в котором он якобы признал единственно возможным парламентский путь к социализму¹¹. Ленин же, по мнению ревизионистов, игнорировал «Введение». Нынешние фальсификаторы марксизма-ленинизма, в особенности «марксологи», пошли значительно дальше своих предшественников. Если Э. Бернштейн утверждал, что Энгельс пересмотрел лишь вопрос о том, каким образом будет достигнута политическая власть, а экономическое использование этой власти оставлено прежним, то большинство нынешних буржуазных идеологов считает, что мысль об экономическом использовании политической власти вообще якобы не присуща поздним работам основоположников научного коммунизма.

Сторонники такой интерпретации «Введения» сознательно умалчивают об исторической ситуации, в какой вышла эта работа. Перед опасностью введения законопроекта о предотвращении государственного переворота Энгельс был вынужден учесть мнение руководства партии в Германии, которое считало необходимым «смягчить» слишком воинственный тон работы Маркса «Классовая борьба во Франции». При этом Энгельс предупреждал члена Правления партии Р. Фишера, что он не может согласиться с тем, что руководящие деятели партии намерены «присягнуть в верности абсолютной законности при любых обстоятельствах». «Я считаю, — писал он, — что вы ничего не выиграете, если будете проповедовать абсолютный отказ от насильственных действий. В это никто не поверит, и ни одна партия ни в одной стране не заходит так далеко, чтобы отказаться от права противостоять беззаконию с оружием в руках»¹². Вскоре была опубликована статья, в которой без ведома Энгельса приводились специально подобранные, выхваченные из контекста «Введения» отдельные выдержки. Создавалось впечатление, будто Энгельс является сторонником исключительно легальных средств борьбы. Он же по этому поводу писал Лафаргу: «Либкнехт только что сыграл со мной недурную шутку. Из моего введения к статьям Маркса о Франции 1848—1850 гг. он взял все, что могло ему послужить для защиты мирной, во что бы то ни стало противонасильственной тактики, которую ему с недавнего времени угодно проповедовать, особенно теперь, когда в Берлине готовятся исключительные законы. Но эту тактику я рекомендую лишь для Германии сегодняшнего дня, да и то со значительной оговоркой. Во Франции, Бельгии, Италии, Австрии этой тактики нельзя было бы придерживаться целиком, а для Германии она уже завтра может стать неприемлемой»¹³. Во «Введении» Энгельс говорит о значении, которое имеет использование рабочим классом буржуазной демократии для привлечения на свою сторону народных масс. Он предупреждает, что из-за этого нельзя отказываться от своего права на революцию.

О несостоятельности интерпретации взглядов Энгельса как реформистских говорит и тот факт, что большое место во «Введении» отведено вопросу о вооруженном восстании, роли уличных боев в будущей социалистиче-

ской революции. Подчеркивая невыгодное с военно-технической точки зрения соотношение сил (возрастание численности армий, возможность быстрой переброски их с помощью железных дорог, более эффективное вооружение и т. д.), он указывает, что оно должно быть уравновешено другими моментами. Потребуется политическая и техническая подготовка, правильный выбор времени восстания, ввод в действие более значительных сил со стороны восставших, наступательная тактика. Оценивая значение всеобщего избирательного права, Энгельс вовсе не абсолютизирует этой формы борьбы. Он подчеркивает необходимость использования как легальной, так и нелегальной формы борьбы, умение в соответствующей обстановке перенести классовую борьбу с парламентской трибуны на арену широкой революционной борьбы.

Таково действительное положение с широко распространенным утверждением сторонников «деленинизации марксизма» о «пересмотре» Марксом и Энгельсом своих ранних взглядов.

¹ Neue Rundschau, 1977, Н. 1, S. 148.

² Süddeutsche Zeitung, 1977, 13 Okt.

³ Osteuropa, 1980, Н. 5, S. 464; Ewangelische Kommentare, 1977, Н. 3, S. 136.

⁴ См.: Кунцевич К. Н. Противопоставление Ленина Марксу — одно из главных направлений фальсификации ленинизма. — Вестн. Белорусского ун-та. Сер. III, № 2, 1980.

⁵ Böcke A. Die Ursprünge des Bolschewismus. — München, 1977, S. 487.

⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 336; т. 22, с. 197.

⁷ Там же, т. 22, с. 237.

⁸ Zukunft, 1979, Н. 5, S. 402.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 246.

¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 184.

¹¹ Sternstein W. Marx — Lenin — Mao. — Frankfurt am Main, 1978, S. 136;

Meyer Th. Bernsteins konstruktiver Sozialismus. — Bonn — Bad Godesberg, 1977, S. 107.

¹² Вопросы истории КПСС, 1968, № 7, с. 4.

¹³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 376, 379.

В. С. КЛИМОВИЧ, И. Ф. РОМАНОВСКИЙ

КЛАССИЧЕСКИЙ ОБРАЗЕЦ НАУЧНОСТИ И КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИЙНОСТИ

(К 80-летию выхода в свет книги В. И. Ленина «Что делать?»)

Книга Ленина «Что делать?» была написана в сложной исторической обстановке. Особенности социально-экономического развития России на рубеже XIX—XX веков, назревание народной революции, активизация социал-демократического движения — все эти факторы вели к необходимости создания в России революционной марксистской партии рабочего класса, способной «обеспечить энергию, устойчивость и преемственность политической борьбы»¹. В. И. Ленин разъяснил, какой эта партия должна быть по идейной направленности, характеру организации и политической деятельности, каково ее историческое предназначение. Первым из марксистов он поставил перед рабочим классом задачу создать партию нового типа.

Подготовка к созданию такой партии проходила в обстановке острой борьбы двух принципиально противоположных идейно-политических направлений в тогдашней социал-демократии. Развивая идеи К. Маркса и Ф. Энгельса о пролетарской партии, ее идеологических и организационных основах, Ленин указал на серьезную опасность для марксизма со стороны «экономизма» как разновидности международного оппортунизма. Со всей очевидностью в оппортунистическом требовании создать «партию социальных реформ» вместо «партии социальной революции» обнаружился, как писал Владимир Ильич, переход к буржуазной по своему существу критике основных идей марксизма. Под видом «улучшения» марксизма ревизионисты стремились вытравить его революционную сущность, подменить социализм буржуазным либерализмом. Они отвергали главные положения марксизма о классовой борьбе, социалистической революции, диктатуре пролетариата, ведущей роли рабочей партии на том основании, что они якобы не приложимы к «демократическому» строю.

Для современных ревизионистов и их союзников из числа буржуазных «марксологов» характерны нападки на принципы марксизма под флагом «антидогматизма». Они объявляют учение Маркса «устарелым», а лени-